

Олег Губарь

От редакции.

Ушла из жизни Патрисия Херлихи, большой ученый и большой друг Одессы, почетный член Всемирного клуба одесситов, лауреат международной премии Дерibasа. Выдающийся американский историк, специалист по дореволюционной Одессе. Патрисия Херлихи скончалась в Кембридже, штат Массачусетс. Незадолго до смерти выпустила новую книгу, посвященную истории Одессы — «Odessa Recollected: The Port and the People». Специалисты считают работы П. Херлихи, в особенности ее классическую монографию «Odessa. A History, 1794–1914», увидевшую свет в 1986 году, наиболее полным и первым по-настоящему научным взглядом на историю Одессы.

Черноморский Вавилон

Феномен, миф Одессы с давних времен занимает многих. Бесконечное смакование одесской экзотики превратило картинку самобытного города в некое текстуально-кинематографически общее место. Упрощенное толкование истории Одессы забавно, поскольку то и дело меняет местами причины и следствия.

Так, феномен самобытности видится, в первую голову, следствием этнической пестроты. Или — системы порто-франко. Фактически же эти несомненно значимые, существенные компоненты — лишь инструментарий. То, что было необходимо для выполнения задач в конкретном историческом контексте. Никто предумышленно не формировал некий «черноморский Вавилон». Никому бы и в голову не пришло строить эталонную систему порто-франко ради чистого искусства.

Эти действительно яркие, рельефные сюжеты прошлого так обворожительны, что за столь мощными деревьями и лес различим. Очарованные странники, мы, по сути, год от года занимаемся изучением ретроспективной инфраструктуры Одессы: историей градостроительства, архитектуры, этнических сообществ, всевозможных аспектов быта, включая культурные традиции, и проч. Истинные же причины, породившие эту специфическую, пожалуй, в чем-то уникальную инфраструктуру, остаются практически вне нашего поля зрения.

Одесса — дитя меркантильного брака

Другим — нелегким, более чем прозаическим — путем пошла выдающаяся американская исследовательница Патриция Херлихи. Ее монография «Одесса. История. 1794–1914» выдержала два издания в Гарварде (1986, 1991). В 1999-м вышла в Киеве, а в 2007 русскоязычную монографию, 576 страниц, издало одесское издательство «Optimum». Исследовательница изучает саму идеологию устройства города, его функциональное назначение на различных хронологических этапах.

«Одесса есть дитя от меркантильного брака Черного моря с черноземом» — отличная метафора о сущности создания города. Функция нарождающейся Одессы, помимо вскоре отпавшей военно-стратегической: стремительно вписаться в средиземноморский, то есть южно-европейский, товарный и денежный рынки. Сделать это за счет энергичного экспорта сельско-

хозпродукции и импорта необходимых экзотических товаров.

Цели ясны, остается найти средства, подобрать инструментарий.

В первую очередь возникает транспортная проблема: с одной стороны, пути доставки из удаленных аграрных регионов, с другой — формирование собственно городской и портовой инфраструктуры. Патрисия Херлихи очень скрупулезно останавливается как раз на первых звеньях этой цепочки. Ее занимает непосредственно производитель, система землепользования, проблема земельной собственности, цены на местах, в Одессе и на мировом рынке, организация доставки сельхозпродукции, ее качество и т. д.

Источники Патрисии — консульская переписка

При этом автор монографии, опять-таки впервые, использует, помимо всего прочего, уникальные первоисточники — консульскую переписку практически всех зарубежных дипломатов. Присутствуя на одесском театре действий, они, по сути, занимались и экономическими вопросами.

Анализ материалов выявляет сильные и слабые стороны южного региона как поставщика, а на определенных этапах — даже инвестора ряда европейских стран. Обескровленная наполеоновскими войнами Европа остро нуждается в сельхозпродуктах, а Южная Россия способна удовлетворить возникший спрос через Одессу.

Здесь — это государственная политика, это бюджетный проект! — концентрируются мощные материальные и гуманитарные ресурсы. Выкладки Патриции Херлихи свидетельствуют, что это идеология нарождающейся Одессы призвала «детей разных народов», а не наоборот.

Этническое разделение труда — результат такового «призыва» лучших и умелых: греческих коммерсантов, немецких аграриев, мастеров высшей категории, медиков, итальянских зодчих и мраморщиков, еврейских маклеров и ремесленников, югославянских мореходов, французских финансистов и промышленников, польских помещиков, российских заводчиков и купцов, украинских каменотесов, молдавских и болгарских огородников и др. Всякое этническое вливание (еще не влияние) определялось частной задачей, спонтанной потребностью. При этом все имеющиеся первоисточники свидетельствуют об осязаемой разобщенности представителей различных эт-

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЛЕДИ

Моей любимой Патрисии Херлихи больше нет

нических «одеколонов». На протяжении многих десятилетий отсутствовала какая-либо общая декларируемая идеология.

Единственной «хартией» было стремление по возможности без шероховатостей прижиться, вписаться, притереться. Найти свое место в городе-фактории.

Как вписаться в Европу?

Поставленная задача была решена в кратчайшие сроки: до самой Крымской кампании Одесса отменно исполняла запланированные функции. Исследовательница убедительно демонстрирует: не только зерно составляло важную статью южнорусского экспорта. В отдельные годы отсюда вывозилось даже больше шерсти, сала, шел-

сались вкладывать капиталы в предприятия. Дело это для них было новое, непривычное, рискованное, связанное с преодолением конкуренции западных производителей. А потому деньги активно вливались в недвижимость, как в нечто более надежное. Так сказать, до выяснения... Немалые средства пошли и на покупку земли, в особенности после реформ начала 1860-х. Однако вложения последнего рода были далеко не самыми перспективными: Одесса навсегда потеряла корону мирового хлебного экспортера. Гонор, правда, сохранила навсегда.

Показательно, что по валу вывоз сельскохозяйственной продукции здесь продолжал расти. Однако доля в мировом экспорте постоянно сокращалась. Этот

вой арены в тень, превращался в самозванца, в памятник себе любимому. Но добрый ностальгический миф продолжает подпитывать множество талантливых одесситов. Ибо красивый миф спасает от провинциального прозябания, внушает творческий оптимизм.

Фантастическая Херлихи

Пэт Херлихи — фантастическая личность. Мы знакомы много лет, и я не устал восхищаться, открывая все новые великолепные черты. Во времена застоя её «пасли» бдительные товарищи: не могли поверить, что иноземная барышня в классических профессорских очках бескорыстно околачивается в скучных архивах и библиотеках. А может, их настораживало повышенное внимание американки к питейным заведениям типа «Два Карла»? Дружба с высокоинтеллектуальной алкоголической общественностью?

Так или иначе, а монография вышла уже в начале перестройки.

Пэт — уроженка вольного города Сан-Франциско. Ее родители-католики переехали в США из Ирландии в поисках лучшей доли. Пэт как-то заметила: «Мне кажется, самый высокий, трагикомический юмор присущ наиболее потерпевшим в истории народам — например, евреям и ирландцам». У нее шестеро детей — пятеро сыновей и дочь. Говорит, что всегда рожала с удовольствием и при этом как-то ухитрялась заниматься наукой.

С удовольствием рассказал бы читателям еще об одной оригинальной монографии Патриции Херлихи — «Алкогольная Россия». Эта книга не имеет ровно никакого политического подтекста: Россию Пэт всегда любила и часто навещала. Исследование лишь иллюстрирует несক্রомную роль алкоголя в ретроспективной экономической политике. Херлихи издала еще одну книгу — собственно об истории водки и российском приоритете на этот напиток.

Горжусь упоминанием обо мне в этом более чем оригинальном издании. Горжусь и нашими большими совместными работами: «Память Одессы» — издана в Вашингтоне, и «Об одесском мифе» — издана в Гарварде. Одесское издательство «Optimum» выпустило отдельной книгой ряд ее «одесских статей».

Моя любимая девушка Пэт (у нас сложилась своя привычная система обращений), несмотря на хвори, при любой okazji мчалась в Одессу. Мы обсуждали мировые научные проблемы в первой подвернувшейся забегаловке, у общих друзей или во Всемирном клубе одесситов со стаканчиком высокоградусного продукта.

... Время вышло. ♦

ка и проч. Затем пришла война, проливы оказались заблокированными, и Южная Пальмира не сумела удовлетворить спрос Европы. Европа переориентировалась на другие производительные зерновые рынки.

В это время слабые стороны хозяйствования проявились во всей неприглядности. Бездорожье делало доставку сельских продуктов в Одессу сезонным. Незаинтересованность сельских тружеников, пересортица зерна, отсутствие современных сельхозорудий, нашествия саранчи, засухи, высокие цены и целый ряд других моментов снижали конкурентоспособность продукции. В цивилизованных странах вывоз зерна сменялся вывозом муки, более компактно укладываемой в трюмах. В Одессе же вообще отсутствовали паровые мукомольни, первые появились лишь на исходе 1850-х.

Возникла ситуация, несколько напоминающая нынешнюю. Разбогатевшие (тогда — на хлебном экспорте) негоцианты опа-

миф о том, будто Украина — житница Европы, и, следовательно, выгодно скупать землю, оказался чертовски живучим. Тогда как реально поезд давным-давно ушел, и серьезно конкурировать в аграрном секторе со странами, проевшими зубы, удастся едва ли.

Монографию Патриции Херлихи можно долго цитировать и интерпретировать: история Одессы пленительна и поучительна.

Отчего уходили инвесторы?

Много стоят, к примеру, сюжеты, связанные с окончательным добившими город стачками и «потемкинскими событиями». После чудовищных погромов, пьяного разгула, катастрофического пожара, уничтожившего портовую эстакаду, пакгаузы, коммерческие пароходы, из Одессы ушли многие солидные инвесторы, не видевшие тут более никакой перспективы. Город всё больше удалялся от миро-